

Rjabov, Vasilij

**Христианизация Руси : (мирское и сакральное в
средневековой Руси) I**

Opera Slavica. 2003, vol. 13, iss. 1, pp. 1-12

ISSN 1211-7676

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/117697>

Access Date: 17. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ХРИСТИАНИЗАЦИЯ РУСИ (мирское и сакральное в средневековой Руси)

I

Василий Рябов

Всем медиевистам хорошо известно, что везде приводимая дата крещения Руси – год 988 – не является такой датой, после которой можно поставить точку. Люди, которые решали этот вопрос, видимо считали необходимым прикрепить такое важное событие к какой-то конкретной дате, так как это существует у других народов. Видимо, это соответствовало духу той эпохи, когда решался этот вопрос. Ныне никого бы не удивило, если бы вместо конкретной даты была указана конкретная эпоха. Каждому специалисту в этой области ясно, что процесс смены религии растянут во времени и никто не может сказать, где и когда этот процесс начинается, где его апогей и где проявляются ростки новой религии в почве старой. Процесс человеческого мировоззрения не поддается математическому анализу, его невозможно даже промоделировать, если еще учесть массу случайностей и силу противодействия.

Чтобы более-менее приблизиться к конкретности факта христианизации Руси, крайне необходимо понять, что знали древние русы о сущности новой религии – христианства, не смешивали его случайно с новой формой язычества? Необходимо иметь в виду сущность язычества. Языческая религия, в отличие от христианства, не отбрасывала предшествующие верования и даже ритуалы: тотемизм сменялся анимизмом, тот в свою очередь монотеизмом; в сущности менялась только лишь доминанта веры, ритуалы могли быть приспособлены. Образно говоря, язычество напоминало слоеный пирог, где каждый ингредиент дополнял вкус и аромат новой доминанты. Противоречий, которые мы называем антагонистическими не существовало. Бог каждой религии, и даже чужой, имел право на свое место по достоинству, признавался и сила его воздействия на человека. (Интересно, что даже язычники монголо-татары, покорившие Русь, не считавшиеся ни с какими ценностями славян, по отношению к церкви и священникам были осторожны.)

Хотя можно в данном случае привести ряд фактов вандализма, но люди – есть люди, и мечта легкого обогащения часто доводит их до крайности – святотатства.

Повесть временных лет о факте христианизации Руси говорит однозначно – древние русы сознательно принимали христианство в своей основе и даже требовали этого от Византии, угрожая ей силой. Несколько иначе об этом говорят Новгородские летописи, практически мало доступные даже специалистам (в лучшем случае мы имеем дело с отрывками из этих хроник в монографиях крупных исследователей). Объяснение этого факта соперничеством между Киевом и Новгородом, видимо, недостаточно. Стоит вспомнить, что повесть в Иоакимовской летописи говорит о вооруженном сопротивлении новгородцев крестителям Добрыне и Путяте, что дало возможность новгородцам позже вспоминать: „Путята крестил огнем, а Добрыня мечом“.

Известны и другие рецидивы язычества как в Суздале, так и в самом Киеве. Важно, однако, то, что христианство на Руси победило окончательно. Хорошо известно и то, что язычество оставило свои следы в христианстве в подобие „двоеверия“, что не является чисто русским феноменом, хотя доля русского „двоеверия“ значительна. Само собой разумеется, что мы имеем в виду европейское христианство, сравнивать „двоеверие“ народов Африки, Филиппин и др. не имеет смысла в данной работе.

Нам важно понять, произошла ли христианизация Руси путем эволюции или же насильственно, наподобие процесса христианизации Болгарии царем Борисом в 864–865 гг., где царь Борис, не имея опоры у собственного народа, опираясь на силу и авторитет Византии, потерял даже собственную независимость, и его наследникам пришлось провести гигантскую работу ради возвращения собственного авторитета.

Поэтому нам очень важно понять, до какой степени древняя Русь была подготовлена к свершению такого важного шага, до какой степени это была в действительности ее воля, а не воля политика-князя, даже если он руководствовался объективными потребностями государства, ему вверенного. Что знал русский народ о христианстве, был ли он знаком с этой верой, а если да, то в какой мере. Достаточно ли была мера его знакомства с сущностью христианства, чтобы в большинстве своем он сознательно, если даже не с убеждением, принял эту новую, не похожую на предшествующую религию, институцию новой веры. Где и когда он имел возможность ознакомиться с ней, причем основательно?

Чтобы разобраться в этом вопросе, нам необходимо опуститься в глубину Русской истории, опуститься намного глубже нотарически известного 988 г. Нам необходимо понять насущные потребности как предшественников кн. Владимира Святославича, так Русской земли и ее народа. Понять историю Руси, вытекающую из ее геополитического положе-

ния, и одновременно хотя бы вкратце разобраться в политических интересах соседних государств.

Попытаемся последовательно рассмотреть основные вопросы, которые, если и не были наиболее жгучими для Руси, тем не менее вызвали к необходимости определения какой-то конкретной позиции и подхода к ним. Способ решения, правильность оценки и подхода к такому вопросу мог абсолютно отстранить его или же наоборот, усугубить по сути дела даже простую вещь и создать проблему.

Киевский князь Игорь (912–945 гг.), также как и его предшественник кн. Олег, был язычником и свое государство удерживал совершенством владения мечом, жестокостью, страхом простого люда, пренебрежением всем остальным, что было типичным для многих его современников – князей. Однако при описании клятвы, которую совершали русы совместно с византийцами, мы читаем, что после подписания договора 944 г. русские клялись: „У идола Перуна Игорь и его дружина – язычники положили оружие свое и щиты и злато О русских христианах автор сообщает во вторую очередь; они клялись в Ильинском церкви на Подоле“¹. Довольно неожиданно звучат эти сообщения: – в языческом Киеве живут христиане и даже имеют собственную церковь, причем официально; более того, часть из них дружинники кн. Игоря. Откуда они вдруг взялись? Интересно и то, что кроме христиан мы не видим в Киеве практически никаких иных иноверцев (специфика толеранции?).

После гибели Игоря его жена Ольга неожиданно для самой себя становится не просто, говоря современным языком, „первой дамой“, но в первую очередь Великой княгиней Киевской, на ее плечи падает самая большая ответственность – благополучие, единство, а главное безопасность государства. В отличие от Игоря, мечом Ольга не владеет. Однако необходимо найти *новую силу*, равноценную традиционной доселе – силе меча. Что может достойно и как можно быстрее заменить ее?

Слабость при управлении государством равна самоубийству, с одной стороны, с другой – это развал государства или переход его в чужие руки, что часто равно прекращению его существования и исчезновению с карты мира.

Кроме того, став главой государства, Ольга оказалась перед целым рядом доселе ей неизвестных вопросов и проблем. Необходимо было, как можно быстрее разобраться в вопросах международной политики и дипломатии, которыми регулировалась жизнь с соседними и дальними государствами, необходимо было понять, что в этом плане интересуется со-

¹ Рыбаков, Б.: Язычество Древней Руси. М. 1988, с. 365.

седние государства и до какой меры. Необходимо было понять сущность силы собственного государства. Значение его геополитического положения. От ее политической мудрости, такта, прозорливости и остроты ума зависело, быть или не быть государству, ей вверенному. Если „быть“, то каким – равноценным предшествующему, ослабевшему или же нашедшему источник новой силы. Благодаря природному уму кн. Ольги, твердости ее характера, о чем ярко рассказывает *Повесть временных лет*, политической прозорливости, быстрому пониманию сути политики и дипломатии, а также смыслу предшествующих договоров (в первую очередь договоров с Византией), не сбрасывая со счета и политические интересы иных государств, Ольга относительно быстро действительно стала кн. Руси, ни в чем не уступающей своим предшественникам – мужчинам-князьям (надо полагать, что в этом ей помог хорошо подобранный коллектив профессиональных советников). Все это дало ей возможность увидеть силу достойную заменить предшествующие системы и способы управления государством – сила эта заключалась в *христианизации Руси*. Однако это не зависело только от воли и желания кн. Ольги. Сама Ольга до официального крещения в Византии, в 955 г. или же в 957 г. уже 15 лет была христианкой. Крестилась она, по всей вероятности, в Киеве, об этом свидетельствует и факт присутствия при ней киевского священника Григория. Возможно, что в 955 г. Ольга вторично крестилась в Константинополе рукой императора Константина VII Багрянородного с целью поднять свой престиж христианки, а в 957 г., по всей вероятности, Ольгу интересовал вопрос титула (может быть, равного королевскому), но поездка ее была неудачной – максимальный титул, который приобрела Ольга в результате этой поездки, был „дочь императора“. Летописная версия о предложении Ольге со стороны Константина стать его женой является абсолютным вымыслом – Ольге в то время было 68 лет. Известно, что и отношения Руси с Византией после этой поездки на некоторое время охладели. Ольга даже обращается к германскому королю Оттону I прислать ей и ее народу епископа. (Русь многие десятилетия после официального крещения не имела профессионального „комментатора“ христианства, т.е. истолковывала христианство как могла.) Оттон I назначил для Руси епископа по имени Адальберт, но пробыв среди русов около года, он вернулся назад (имеются версии о его конфликте с сыном Ольги кн. Святославом)².

Княгиня Ольга приняла официальное крещение вместе со всей своей свитой, которая, по А. Сахарову, насчитывала более 100 человек. Из *По-*

² Сахаров, А.: Дипломатия Древней Руси. М. 1980, с. 261–262.

вести временных лет нам известно, что, вернувшись домой, Ольга приказала строить церкви и храмы. Христиане, которые уже были в Киеве, естественно, воспрянули духом, естественно, что и число их увеличилось, но сын ее кн. Святослав не пожелал стать христианином. Он не препятствовал киевлянам креститься, но всячески насмехался над ними. Из этого становится ясно, что в Русском обществе той эпохи христианство существовало официально, в то же время значительная часть общества выступала за старую веру – язычество. То есть, этот вопрос не был ничем новым, но в социальной среде существовали важные противоречия. Тем не менее Византия учредила на Руси церковную организацию. Видимо, Византия понимала, что феодализирующее русское общество в сущности подготовлено к приятию новой веры – христианства.

Данный факт нуждается в определении, до какой меры можно говорить о христианизации Руси при кн. Ольге в 955 г. Для этого приведем несколько аналогичных примеров: в 948 г. в Константинополе был крещен венгерский князь Булчу, затем в 952 г. князь Дьюла, Константинополь посылает вместе с ним даже епископа Иосифа, однако народ Венгрии к приятию христианства еще не был готов, и Венгрия была крещена лишь при Стефане I. Если еще учесть неудачное крещение Болгарии, то можно не сомневаться в том, что у Византии в этом важном вопросе был значительный опыт.

Решение Византии после крещения кн. Ольги официально учредить церковную организацию (о которой мы, к сожалению, не имеем информации) говорит об уверенности Византии в успехе христианизации Руси, несмотря на то, что Ольга открыто говорит им: „Людие мои погани и сын мой поган да бы мя Бог съблюю от вьсего зьла!“³ Видимо, вопреки этому Византия все же была уверена, что народ Руси в массе своей готов к приятию новой веры: христиане на Руси уже приобрели Status Quo, глава Руси лично заинтересована в христианизации всего народа, что должно укрепить ее авторитет (без меча), сцементировать народ Руси, приобщить его к европейской цивилизации, а сын ее – язычник, не желающий стать христианином, тем не менее не препятствует в этом другим (и, наконец, возможно это всего лишь вопрос времени).

Иное дело, какие условия при этом ставила Византия Руси, были ли они приемлимы Русью, не ограничивали ее независимость. Нам это не известно, но известно, то что после второго визита в Константинополь в 857 г. Ольга вернулась в Киев разочарованной (об обращении ее к Оттону I мы уже писали).

³ Рыбаков, Б.: Язычество Древней Руси. М. 1988, с. 386.

Фактом остается одно: *Русь была официально покрещена уже в 955 г.* И хотя отношения между Русью и Византией охладели (Русь так и не дождалась византийского священника, просвещенного в вопросах христианства и, видимо, довольствовалась помощью болгарских священников-эмигрантов); более того, после смерти Константина в Византии к власти пришел в 969 г. Иоанн Цимисхий, мало расположенный к приятельству с Русью (в большей степени он боялся ее, пока был жив кн. Святослав). Подобно он относился и к другим полухристианским государствам, что, по нашему мнению, являлось его крупным стратегическим просчетом.

Несмотря на относительные успехи в вопросе христианизации, на отсутствие явного отпора со стороны приверженцев язычества, Ольга за десять лет своего княжения успела сделать очень мало для укрепления начатого ею дела. Без поддержки Византии и ее наследника Святослава осуществить „революцию“ в вопросе веры, практически и не могла. В силу этого начатое ею дело еще при ее жизни приобретает вид застоя.

Одним словом: у *Ольги не нашелся последователь ее идеи.* Сын – кн. Святослав владел мечом еще лучше, чем предшествующие и последующие князья⁴, и единство своей земли посредством идеологии, которая бы сцементировала ее, просто не понимал и не видел. Его убийство по инициативе Иоанна Цимисхия лишь усугубило отношения Киева с Константинополем.⁵

Таким образом, *окончательная христианизация Руси еще ждала своего крестителя и его последователя.*

В заключение данной части работы считаем своей обязанностью указать и на разнородность взглядов на рассмотренный нами факт. Далеко не все исследователи, рассматривавшие вопрос „христианизации кн. Ольги в Константинополе“, принимают этот факт.

В X ст. люди Руси, равно как и люди Западной Европы, хорошо понимали, что Западная помпа христианизации очень низко котируется по сравнению с византийской (нет смысла еще раз объяснять аристократические представления Византии об окружающем ее мире, взгляды окружающего мира на культуру Византии). Поэтому главы европейских государств и стремились получить благославения от Византии, тем самым как бы приобщаясь к этому „аристократизму“. Византия это знала, гордилась этим, и поэтому факт каждого контакта с иностранцами окружала пышными прецизионными церемониями, которые даже описывались.

⁴ Диакон, Л.: История. М. 1988, с. 78–82.

⁵ История СССР. 1990. № 2, с. 70 (журнал).

Подобное описание приема кн. Ольги в Константинополе оставил и Константин VII Багрянородный в *Книге о церемониях (De ceremoniis Aulæ)*, где описано все до подробностей, образно говоря, и как ели, и сколько съели, но в то же время нигде нет даже упоминания о факте крещения русской княгини.

На основании этого исследователи и расходятся в мнении: была крещена кн. Ольга в Константинополе или же эта акция имела иную цель.

К группе сомневающих относятся, например, А. Шагматов, Б. Рыбаков, В. Пашуто, М. Погодин, М. Грушевский, А. Воронов, А. Карташев и др.⁶

В то же время целый ряд хроник, созданных независимо одна от другой, однозначно, без малейшего сомнения указывают на факт крещения кн. Ольги лично императором Константином. Это мы находим в *Повести временных лет*, в *Первой Новгородской летописи*, в *Летописце Переяславля-Суздальского*, в *Памяти и похвале князю русскому Владимиру Иакова Мниха*, современника Никона, а так же и у византийских хронистов (XI-XII) Скирилицы и Зонара⁷. Вышеуказанные источники дают основание другой группе ученых утверждать, что крещение кн. Ольги в Константинополе состоялось. Отсутствие записи данного факта Константином они объясняют тем, что цель его книги была совершенно иной, а именно описание церемонии с формальной стороны (т.е. это не хроника, а церемониал).

Относясь с непререкаемым авторитетом к мнению вышеназванных авторов, мы все же отдаем предпочтение источникам (особенно, если имеем возможность ознакомиться с ними хотя бы частично). Более того, без особого труда мы могли бы привести как пример несколько иных проблем, где те же авторы уже не имеют подобного единства и даже немилосердны друг к другу – истина рождается в дискуссии и каждый имеет право на свой взгляд.

Отдавая предпочтение вышеуказанным источникам, и соглашаясь с исследователями, доверяющими им, хотим указать на факт, который занимает решающее место в наших рассуждениях.

Византийцы ни в одном случае христианизации Руси не совершали этот акт из чисто миссионерских христианских побуждений. Это почти всегда был вынужденный шаг, на который отчаивалась Византия, оказавшись в безвыходном положении, т.е. обращалась с просьбой о помощи к „менее ценным“ варварам–язычникам, а поэтому просто стыдилась

⁶ Карташев, А.: Очерки по истории русской церкви. М. 1991, с. 99–103.

⁷ Сахаров, А.: Дипломатия Древней Руси. М. 980, с. 262–268, 275–277.

признаваться в этом или даже вспоминать, как о своей слабости (в этом заключалось несчастье слабеющей византийской аристократии, в какой-то мере неспособность сделать реальный, самокритический анализ). Этим отчасти можно объяснить и факты некоторой „забывчивости“ византийских хронистов. Иначе они должны были бы помнить, хотя бы то, что крещение кн. Ольги фактически не было первым крещением языческой Руси, т.е. до 955 г. Этот факт, к стати, также не фигурирует в книге Константина VII.

Образованная элита византийского общества была искренне убеждена в „исключительных свойствах греческой культуры и языка... убеждение, которое приводило к своего рода „надмерной изоляции“, нежеланию знать о том, какие культурные процессы происходят во всем окружающем мире“. Это касалось так же и образованнейшего человека той эпохи – патриарха Фотия, учителя Константина и Мефодия, который „сам... по видимому, не знал никакого другого языка, кроме греческого“⁸.

И. С. Дуйчев утверждает, что и христианизацию греки понимали как „эллинизацию“, поэтому не воспользовались уникальной возможностью христианизации всех окружающих их славян (иными словами, приобщением их к своей сфере) славян, которые были готовы к этому акту в своей основной массе, а это было бы огромным политическим успехом Византии в IX ст.⁹ Позже, почувствовав политическую слабость и неблагоприятные перспективы в будущем, греки попытались вернуть утраченное, создав для славян даже письменность (т.е. отступив от христианской доктрины – трех сакральных языков), но возможности были утрачены, был упущен благоприятный момент, а потом даже в X ст. далеко не все византийские аристократы сумели избавиться от стереотипа, давящего над их предрассудками. В *Повести временных лет* под годом 6360 (852) указывается на первое упоминание Руси в византийских хрониках. При этом речь не идет о факте возникновения нового государственного объединения, оно – это объединение, по всему видимо, уже существует, а запись о нем в хрониках связана случайно в связи с проблемами, которые почему-то взволновали византийскую аристократию.

Естественно, что между Византией и соседним языческим государственным объединением Рось или Русь существовали давние торговые отношения. Это связано и с тем, что через Русь проходил один из основных торговых путей с севера на юг („Из варяг в греки“) – от Ладоги по Днепру и Черному морю. Таким образом, торговые круги обеих земель

⁸ Сказание о начале славянской письменности. М. 1991, с. 15–18.

⁹ Там же, с. 18.

довольно хорошо знали друг друга, знали взаимно обычаи, традиции и религию, отчасти или даже полностью понимали их и даже принимали, проживая в чужой земле долгое время; более того, рассказывали о своих впечатлениях у себя на родине более или менее реалистично. В связи с этим мы не без оснований допускаем и *самостоятельное проникновение христианского учения в языческую среду Руси*, т.е. неофициально никем не санкционированное, добровольное. При этом мы не упускаем из вида силу сопротивления местной религии – язычества. Вообще вопрос веры мы видим как наиболее существенный из вопросов в жизни людей и смены ее, как сложный порой крайне драматический процесс, поэтому и пытаемся внимательно всмотреться в него в данной работе.

Если в вопросе о крещении кн. Ольги в Константинополе существуют вышеуказанные сомнения, что не подвергает сомнениям факт процесса христианизации Руси задолго до 988/989 г., то в вопросе крещение кн. Аскольда *намного ранее*, таких расногласий практически нет. Существует только одна, типичная для средневековья проблема – расхождение в датировке этого акта. Это связано не только с естественной для человечества забывчивостью, но в первую очередь с наличием нескольких календарей в христианском мире. История знает 200 календарей „от сотворения мира“. В христианском мире чаще всего использовалась византийская эра – 5508 лет до дня рождения Христа, однако и там были два календаря, по одному год начинался с 1 сентября, по другому – с 1 марта. Широко использовалась эра с расчетом 5500 лет до рождества Христова, на основании того, что Божий день равен 1000 годам человеческим, а исходя из предпосылки, что „Адам был создан в середине шестого дня творения“ Христос снизошел на землю также в середине шестого тысячелетия¹⁰. Использовался также календарь александрийского монаха Панадора, где дата рождества Христова отнесена на 5493 г. с началом года с 29 августа. На Русь вместе с болгарскими книгами дошла и собственно болгарская эра, с отсчетом 5504 г. до рождения Христа. Таким образом, расхождения в датировках событий с разницей в 2–10 гг. можно практически не замечать.

Относительно крещения киевского князя Аскольда патриарх Фотий сообщает в своем *Окружном Послании*, что оно состоялось во время короткого правления двух императоров Михаила III и Василия I Македонянина т.е. в 865–866 гг. При этом указывается, что крестил Аскольда митрополит Михаил.¹¹ Известно также, что при крещении Аскольд получил

¹⁰ Климишин, И.: Календарь и хронология. М. 1985, с. 234–238.

¹¹ Рыбаков, Б.: Язычество Древней Руси. М. 1988, с. 397.

христианское имя Михаил (в настоящее время православная церковь отмечает 22 ноября как день Михаила Воина, связывая это с датой 866 г.). Интересно, что и болгарский царь Борис, крестившийся тогда же, в 865 г., также принял имя Михаил.

Польский историк Ян Длугош сообщает об Аскольде, что он и его брат Дир прямые потомки сыновей и племянников Кия, Щека и Хорева.¹²

Факт о походе Аскольда и Диры с войском на Цареград в 866 г. подтверждает и *Повесть временных лет*. *Никоновская летопись* далее указывает на важный для нас факт о том, что в 872 г. „Убиен бысть от болгар Осколдов сын“.¹³

Очень ценную информацию в отношении исторического места данного факта представляет нам церковный историк И. Карташев, ссылаясь на *Noticiae episcoporum (Устав)* Льва Философа (881–911), он указывает, что Лев Философ записывает *русскую митрополию на 61 месте*. В то же время другой церковный историк А. Горский указывает, что год 862 записанный в Киевском Летописном своде, как год основания русского государства нужно считать годом основания русской христианской епископии и датой первого крещения Руси.¹⁴

Неизвестно, где и как долго существовала эта епископия (сын Аскольда был убит в 872 г., а сам Аскольд в 882 г., викинго–мязычником Олегом); неясно, где крестился Аскольд: в Киеве или Константинополе. Константин Порфирогенит пишет об этом так: „И народ россов, воинственный и безбожнейший, император щедрыми подарками золота, серебра и шелковых одежд привлек к переговорам и, заключив с ними мирный договор, убедил их сделаться участниками божественного крещения и устоял так, что они приняли епископа“¹⁵. Из данного текста трудно понять, что означает „участники божественного крещения“, крестился ли Аскольд лично в Константинополе, а народ был привлечен к крещению в Киеве византийским епископом, или все это произошло только в Киеве.

Опять же мы имеем и неоднородные указания на дату похода Аскольда на Константинополь и дату крещения Руси (по *Повести временных лет* это 866 г., а по византийским авторам Симону Лагофету и Иоанну Диакону – 860, где детально указано, что русы подошли к Константинополю на 360 кораблях.¹⁶

¹² Рыбаков, Б.: Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М. 1982, с. 307.

¹³ Рыбаков, Б.: Древняя Русь: Сказания, Былины, Летописи. М. 1963, с. 170–173.

¹⁴ Карташев, А.: Очерки по истории русской церкви. М. 1991, с. 91–92.

¹⁵ Там же, с. 74–75.

¹⁶ Там же, с. 73.

Свое отношение к расхождениям в датах мы уже объяснили выше, и вообще здесь важно иное – *русская церковь официально упоминается не только Русью, но и Византией в 60–х годах IX столетия.*

Крещение кн. Владимира Святославича в 988/989 гг. происходило в сущности по сценарию, аналогичному с крещением Аскольда (имеется в виду присутствие военной силы Руси у стен Константинополя).

Владимир уже ясно осознавал значение идеологического единства своего государства. В связи с этим первым его шагом в этом направлении было признание равноценности всех региональных божеств языческой Руси. Торжественно на самом видном месте Киева он создает своеобразный пантеон языческих Богов, что по его мысли должно было демонстрировать и символизировать религиозное единство Руси. Здесь мы видим бросающееся в глаза многообразие божеств, существенную неясность их религиозных функций и сил, дублирование этих функций. Общеславянский языческий Бог Перун (по Р. Якобсону, индоевропейское божество: Perkúpas (лит.), Perënd (алб.), Peruna (хет.) – у славян одновременно „громовержец“ и „покровитель воинов“). Так же и Велес/Волос: Vėlinans (лит.), Velē (лат.), Veles (чех.), имеющий одинаковый корень +wel (зрение, зоркость, прозрение) – „тысячеокий“ (инд.) Varuna.¹⁷ Но в то же время Боян из *Слова о полку Игореве* – *певец, Велесов внук*. Наконец вообще у восточных славян – „скотий Бог“ (полагаем, что данный пример достаточно иллюстрирует указанное нами многообразие значений языческих божеств).

Следующими богами (или идолами), представленными в пантеоне Владимира были: Дада и Лели „роженицы“, они окружали Богиню Мокошь, видимо, символ „плодоносия“ и „судьбы“, одновременно Купала – как-то связан с летним солнцеворотом и Мокошью; Род – как бы верховное божество (но кн. Игорь почему-то, скрепляя договор с греками, клянется перед Перуном?). На эту пестроту и неясность славянских языческих богов указывают и Геродот, и Плиний ст., и Тацит.

Далее – Стрибог, он же Сварог („Бог неба“, равный Роду), Дажьбог – сын Сварога, он же „светило“, „Солнце“, но в то же время это и *запас „воды небеской“ – дождя*. Интерес представляет Бог Смарагд – это и *Бог семян*, и крылатый зверь – что-то вроде *посредника между небом и землей*.

¹⁷ Якобсон, Р.: Вопросы сравнительной мифологии в свете славянских показаний. Кембридж. МАСС. б.г. (сепарат).

Тем не менее нам известно, что Владимир в своем пантеоне на основе какого-то принципа утверждал главенствующее место именно Перуну, за ним следовал Велес и Хорс.

На древность процесса христианизации Руси указывает былина о Михаиле Пóтыке или Пóтуке. Известно, что Аскольд принял христианское имя Михаил, видимо в связи с этим считал своим покровителем и хранителем Киева Архангела Михаила (известно, что на воротах Киева было его крылатое изображение), но со временем языческий Киев забывает первоначальное значение и чужое поименование – Архангел, Архестратиг, видят перед собой какого-то покровителя города по имени Михаил с птичьими крыльями, – отсюда и Потыка (Потука т.е., исходя из индоевропейского корня прица– +пътъка)¹⁸, которому позже на основе традиционной поэтики русского фольклора придаются все атрибуты былинного героя.

Указанная многозначимость языческих божеств не мешала простому люду, но не соответствовала идее Владимира, не соответствовала однозначной иерархии феодализирующего русского государства. Не помогла Владимиру в начатом деле и расправа с первыми христианами–варягами, видимо купцами, осевшими в Киеве, – Иваном и его сыном Феодором, ставшими впоследствии первыми мучениками христианами–варягами в 983 г.

¹⁸ Рыбаков, Б.: Язычество Древней Руси. М. 1980, с. 393–397.